

рядом с интересным собеседником

С Владимиром Федоровичем Чвановым, начальником отдела управления спортивного общественного портала г. Москвы мы встретились в его служебном кабинете на Петровке, 38. Первый вопрос в интервью — это как прыжок в холодную воду. И, видимо, Владимир Федорович решил помочь мне «прыгнуть».

— Вас, как представитель газеты, которая специально занимается вопросами культуры, интересует, вероятно, как мы, люди, как профессии, жалуются бы, так далека от прекрасного, относящегося к литературе и искусству? Но не думайте, что это отношение находится в прямой зависимости от рода деятельности человека. Врачи, например, оденка одного и того же художественного произведения, данная, скажем, летчиком или врачом (если даже это произведение рассказывает именно о летчиках и врачах), должна коренным образом отличаться от впечатления, которое оно произвело на педагога или инженера. Несколько летчиков могут сказать его по-разному, а врачи и коллеги скажут во взглядах. Потому что, хотя профессия и вкладывает свой отпечаток на характер, на вкусы и даже на внешний облик человека (в этом нас убедил еще Шерлок Холмс), однако представители даже одной профессии — это всегда разные люди. Прежде всего люди, в которых уже врачи, прокуроры, летчики, юристы. Летчик, разумеется, скроет чем кто-либо другой, заметит, например, нетерпеливость, допущенные артисты, играющим роль пилота, в обращении с приборами. Врач-хирург, находясь в каком-нибудь спектакле за сценой операции, может легко отменить профессиональные ошибки исполнителей. Но если спектакль, фильм действительно обладают художественными достоинствами, и тот и другой, я думаю, легко простят эти недостатки, зрителя может интересовать, что же искусствоведы, писатели и читатели, зрители могут интересовать, что некоторым произведениям современного театра недостает вдохновляющей силы, деятелей оптимизма?

Словом, вы считаете, что некоторым произведениям современного театра недостает вдохновляющей силы, деятелей оптимизма?

Мне кажется, что нехватает светлого, доброго. Чувство это породило отвращение к пыльной, бесполезной, скандальной жизни, которой он жил раньше. Пример может показаться примечательным,примитивно трактующим влияние искусства на привычный облик человека. Но пути искусства к человеческому сердцу действительно трудны. Однажды мы с В. А. Чайковским, директором Музкомплекса театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, решили показать большой группе «трудных» подростков «Лебединое озеро». Следят это, в силу стечения некоторых обстоятельств, к сожалению, не удалось. Но в убеждении, что если бы из сотни посмотревших спектакль трое, две и даже только одна сказали ее, как потрясенный созерцанием Венеры Минской герой известного рассказа Габриэля Успенского «Вырьица». Что же такое со мной случилось? Если бы этот один почувствовал после спектакля пусть еще не осознанное стремление к новой, чистой, полезной жизни, почувствовал бы прилив сил и энергии начать такую жизнь, наше «американство», на мой взгляд, оправдало бы себя. Я и действительно очень верю в «инъекции Прекрасного», верю, что Прекрасное — мощнейшее средство выращивания человеческих душ, первично в огромную вдохновляющую силу искусства.

Владимир Федорович, примеры, к которым вы обратились для подтверждения своей мысли о вдохновляющей, облагораживающей силе искусства, взяты из классиков. Это случайность?

Я воспользовался первым, что мне пришло в голову. Но, пожалуй, если бы я и подумал, то, наверное, опять обратился бы к классике, вероятно, к советской классике, но все-таки классики. Особенno, если бы разговоршелся о театре, о драматическом театре. У меня нет оснований считать свои сведения о современном сценическом искусстве исчерпывающими. Однако, мне кажется, что слишком уж много говорилось за последние времена о том, что сейчас в театральности и мастерстве являются в какой-то степени шагом назад к критическому реализму.

Простите, а что именно вы видели за последние время?

«Сто четыре странины про любовь», «Назначение», «Гусиное перо», «Терки на том свете...». Конечно, и здесь есть что-то. Это в театре. Но я смотрю и передаю по телевизору. И у меня сложилось впечатление, что авторы многих виденных мною пьес (при всем повторяю, талантливости и мастерства некоторых из них) расположены на середине. Наблюдением глазами образом по части тех или иных отрицательных сторон нашей жизни. Они хорошо знают психологию той части молодежи, которую в литературе и искусстве определяют словами «стригильный герой», понимают они, видимо, и «героев» мятущихся, сомневающихся. Но кажется иногда, что о своих положительных героях, то есть о поддающихся большинству наших людей, авторы знают мало, что не всегда они умеют понять, на каких типических чертах складывается характер современного человека. Декларативные качества, драматики пишут иногда «сплодженных» героев, в потоке, дадавшись, вероятно, что такой «герой» распространит вокруг себя только скрупульность, совершающую преступление не из ревности над местью и не из никаких корыстных целей, а просто так, понять психологию так называемых неоднозначных преступлений.

В каждом человеке, вне зависимости от того, чем он занимается или будет заниматься, должно воспитываться высокие моральные качества. Патристическое чувство, я думаю, не привыкло военных в чистоте и принципиальности необходимости не следователям, судьям или распорядителям крепости.

Однако нужно все-таки более необходимо патриотичному исследователю, или же, скажем, моделисту?

Я бы сказал, что патриотичному исследователю или геологу требуется прежде всего выносливость, а мужество. В жизни каждого человека, вне зависимости от профессии, может наступить момент, когда ему потребуется мужество. Любовь к Родине, присущая импульсивность, чистота — это моральные качества, при которых человек может называться человеком, тем более советским человеком. И для воспитания этих качеств — это и утверждение, что литература и искусство могут служить профилактикой любой против всякого рода нарушений общественного порядка?

В каждом человеке, вне зависимости от того, чем он занимается или будет заниматься, должно воспитываться высокие моральные качества. Патристическое чувство, я думаю, не привыкло военных в чистоте и принципиальности необходимости не следователям, судьям или распорядителям крепости.

И поскольку наша профессия — это борьба за человека, способного строить общество будущего и достойного в нем жить, работники культуры и искусства в какой-то степени являются коллегами и помощниками?

Музыка, живопись, поэзия, театр — все, что мы вкладываем в прекрасное понятие Искусство, согласен — прославленные эффективные средства привнесения совершенствования общества. Вспомнимо, как самый настоящий ху-

СЛАВНОЕ, ОБЩЕЕ ДЕЛО

спектакль

сцену, которая захватила и взволновала бы меня так, как взволновало, например, когда-то напустительное уходили на фронт нормы, произнесенное профессором Полежаевым, или смерть Комиссара в «Оптимистической трагедии».

Словом, вы считаете, что некоторым произведениям современного театра недостает вдохновляющей силы, деятелей оптимизма?

Мне также кажется, что нехватает самых таких произведений, поскольку я могу об этом судить, не хватает пронизленных, исполненных романтизмом, притягивающих внимание, влиятельных произведений. Следует, кстати, сказать, что в смыслах «специфического» и «внешнего» искусства на привычный облик человека. Но пути искусства к человеческому сердцу действительно трудны. Однажды мы с В. А. Чайковским, директором Музкомплекса театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, решили показать большой группе «трудных» подростков «Лебединое озеро». Следят это, в силу стечения некоторых обстоятельств, к сожалению, не удалось. Но в убеждении, что если бы из сотни посмотревших спектакль трое, две и даже только одна сказали ее, как потрясенный созерцанием Венеры Минской герой известного рассказа Габриэля Успенского «Вырьица». Что же такое со мной случилось? Если бы этот один почувствовал после спектакля пусть еще не осознанное стремление к новой, чистой, полезной жизни, почувствовал бы прилив сил и энергии начать такую жизнь, наше «американство», на мой взгляд, оправдало бы себя. Я и действительно очень верю в «инъекции Прекрасного», верю, что Прекрасное — мощнейшее средство выращивания человеческих душ, первично в огромную вдохновляющую силу искусства.

Владимир Федорович, примеры, к которым вы обратились для подтверждения своей мысли о вдохновляющей, облагораживающей силе искусства, взяты из классиков. Это случайность?

Я воспользовался первым, что мне пришло в голову. Но, пожалуй, если бы я и подумал, то, наверное, опять обратился бы к классике, вероятно, к советской классике, но все-таки классики. Особенno, если бы разговоршелся о театре, о драматическом театре. У меня нет оснований считать свои сведения о современном сценическом искусстве исчерпывающими. Однако, мне кажется, что слишком уж много говорилось за последние времена о том, что сейчас в театральности и мастерстве являются в какой-то степени шагом назад к критическому реализму.

Простите, а что именно вы видели за последние время?

«Сто четыре странины про любовь», «Назначение», «Гусиное перо», «Терки на том свете...». Конечно, и здесь есть что-то. Это в театре. Но я смотрю и передаю по телевизору.

И у меня сложилось впечатление, что авторы многих виденных мною пьес (при всем повторяю, талантливости и мастерства некоторых из них) расположены на середине.

Наблюдением глазами образом по части тех или иных отрицательных сторон нашей жизни. Они хорошо знают психологию той части молодежи, которую в литературе и искусстве определяют словами «стригильный герой», понимают они, видимо, и «героев» мятущихся, сомневающихся.

Но кажется иногда, что о своих положительных героях, то есть о поддающихся большинству наших людей, авторы знают мало, что не всегда они умеют понять, на каких типических чертах складывается характер современного человека. Декларативные качества, драматики пишут иногда «сплодженных» героев, в потоке, дадавшись, вероятно, что такой «герой» распространит вокруг себя только скрупульность, совершающую преступление не из ревности над местью и не из никаких корыстных целей, а просто так, понять психологию так называемых неоднозначных преступлений.

Что же такое со мной случилось?

Я опять подумал о том, что профессия человека, с которым я беседую, очень гуманна профессия. Людовик, я могу сказать об этом, не просто большие, а чтобы они стали лучше; для этого необходимо, наверное, более разумное сотрудничество авторов с нашими работниками. Драматурги, писатели, сценаристы идут на нас глазами обра-

зом факты. Они не правы. Толком

для создания художественного произведения может послужить любой корреспонденция из зала суда. Но сам по себе факт, какими бы он ни был значителен, не может быть содержанием художественного произведения. Важно не то, что человек совершил кражу, и уж, конечно, совсем не важно, ни для художника, ни для читателя, каким способом он это сделал — важно, почему он это сделал, важно, почему человек стал вором, взяточником, убийцей. Не поступок, а психология поступка может стать содержанием произведения искусства. Мне довелось прочесть письмо Якова Водолагова «Судебная хроника», в которой защищалась память о герое, который вспоминает о своих положительных героях, то есть о поддающихся большинству наших людей, авторы знают мало, что не всегда они умеют понять, на каких типических чертах складывается характер современного человека. Декларативные качества, драматики пишут иногда «сплодженных» героев, в потоке, дадавшись, вероятно, что такой «герой» распространит вокруг себя только скрупульность, совершающую преступление не из ревности над местью и не из никаких корыстных целей, а просто так, понять психологию так называемых неоднозначных преступлений.

Что же такое со мной случилось?

Я опять подумал о том, что профессия человека, с которым я беседую, очень гуманна профессия. Людовик, я могу сказать об этом, не просто большие, а чтобы они стали лучше; для этого необходимо, наверное, более разумное сотрудничество авторов с нашими работниками. Драматурги, писатели, сценаристы идут на нас глазами обра-

зом факты. Они не правы. Толком

для создания художественного произведения может послужить любой корреспонденция из зала суда. Но сам по себе факт, какими бы он ни был значителен, не может быть содержанием художественного произведения. Важно не то, что человек совершил кражу, и уж, конечно, совсем не важно, ни для художника, ни для читателя, каким способом он это сделал — важно, почему он это сделал, важно, почему человек стал вором, взяточником, убийцей. Не поступок, а психология поступка может стать содержанием произведения искусства. Мне довелось прочесть письмо Якова Водолагова «Судебная хроника», в которой защищалась память о герое, который вспоминает о своих положительных героях, то есть о поддающихся большинству наших людей, авторы знают мало, что не всегда они умеют понять, на каких типических чертах складывается характер современного человека. Декларативные качества, драматики пишут иногда «сплодженных» героев, в потоке, дадавшись, вероятно, что такой «герой» распространит вокруг себя только скрупульность, совершающую преступление не из ревности над местью и не из никаких корыстных целей, а просто так, понять психологию так называемых неоднозначных преступлений.

Что же такое со мной случилось?

Я опять подумал о том, что профессия человека, с которым я беседую, очень гуманна профессия. Людовик, я могу сказать об этом, не просто большие, а чтобы они стали лучше; для этого необходимо, наверное, более разумное сотрудничество авторов с нашими работниками. Драматурги, писатели, сценаристы идут на нас глазами обра-

зом факты. Они не правы. Толком

для создания художественного произведения может послужить любой корреспонденция из зала суда. Но сам по себе факт, какими бы он ни был значителен, не может быть содержанием художественного произведения. Важно не то, что человек совершил кражу, и уж, конечно, совсем не важно, ни для художника, ни для читателя, каким способом он это сделал — важно, почему он это сделал, важно, почему человек стал вором, взяточником, убийцей. Не поступок, а психология поступка может стать содержанием произведения искусства. Мне довелось прочесть письмо Якова Водолагова «Судебная хроника», в которой защищалась память о герое, который вспоминает о своих положительных героях, то есть о поддающихся большинству наших людей, авторы знают мало, что не всегда они умеют понять, на каких типических чертах складывается характер современного человека. Декларативные качества, драматики пишут иногда «сплодженных» героев, в потоке, дадавшись, вероятно, что такой «герой» распространит вокруг себя только скрупульность, совершающую преступление не из ревности над местью и не из никаких корыстных целей, а просто так, понять психологию так называемых неоднозначных преступлений.

Что же такое со мной случилось?

Я опять подумал о том, что профессия человека, с которым я беседую, очень гуманна профессия. Людовик, я могу сказать об этом, не просто большие, а чтобы они стали лучше; для этого необходимо, наверное, более разумное сотрудничество авторов с нашими работниками. Драматурги, писатели, сценаристы идут на нас глазами обра-

зом факты. Они не правы. Толком

для создания художественного произведения может послужить любой корреспонденция из зала суда. Но сам по себе факт, какими бы он ни был значителен, не может быть содержанием художественного произведения. Важно не то, что человек совершил кражу, и уж, конечно, совсем не важно, ни для художника, ни для читателя, каким способом он это сделал — важно, почему он это сделал, важно, почему человек стал вором, взяточником, убийцей. Не поступок, а психология поступка может стать содержанием произведения искусства. Мне довелось прочесть письмо Якова Водолагова «Судебная хроника», в которой защищалась память о герое, который вспоминает о своих положительных героях, то есть о поддающихся большинству наших людей, авторы знают мало, что не всегда они умеют понять, на каких типических чертах складывается характер современного человека. Декларативные качества, драматики пишут иногда «сплодженных» героев, в потоке, дадавшись, вероятно, что такой «герой» распространит вокруг себя только скрупульность, совершающую преступление не из ревности над местью и не из никаких корыстных целей, а просто так, понять психологию так называемых неоднозначных преступлений.

Что же такое со мной случилось?

Я опять подумал о том, что профессия человека, с которым я беседую, очень гуманна профессия. Людовик, я могу сказать об этом, не просто большие, а чтобы они стали лучше; для этого необходимо, наверное, более разумное сотрудничество авторов с нашими работниками. Драматурги, писатели, сценаристы идут на нас глазами обра-

зом факты. Они не правы. Толком

для создания художественного произведения может послужить любой корреспонденция из зала суда. Но сам по себе факт, какими бы он ни был значителен, не может быть содержанием художественного произведения. Важно не то, что человек совершил кражу, и уж, конечно, совсем не важно, ни для художника, ни для читателя, каким способом он это сделал — важно, почему он это сделал, важно, почему человек стал вором, взяточником, убийцей. Не поступок, а психология поступка может стать содержанием произведения искусства. Мне довелось прочесть письмо Якова Водолагова «Судебная хроника», в которой защищалась память о герое, который вспоминает о своих положительных героях, то есть о поддающихся большинству наших людей, авторы знают мало, что не всегда они умеют понять, на каких типических чертах складывается характер современного человека. Декларативные качества, драматики пишут иногда «сплодженных» героев, в потоке, дадавшись, вероятно, что такой «герой» распространит вокруг себя только скрупульность, совершающую преступление не из ревности над местью и не из никаких корыстных целей, а просто так, понять психологию так называемых неоднозначных преступлений.

Что же такое со мной случилось?

Я опять подумал о том, что профессия человека, с которым я беседую, очень гуманна профессия. Людовик, я могу сказать об этом, не просто большие, а чтобы они стали лучше; для этого необходимо, наверное, более разумное сотрудничество авторов с нашими работниками. Драматурги, писатели, сценаристы идут на нас глазами обра-

зом факты. Они не правы. Толком

для создания художественного произведения может послужить любой корреспонденция из зала суда. Но сам по себе факт, какими бы он ни был значителен, не может быть содержанием художественного произведения. Важно не то, что человек совершил кражу, и уж, конечно, совсем не важно, ни для художника, ни для читателя, каким способом он это сделал — важно, почему он это сделал, важно, почему человек стал вором, взяточником, убийцей. Не поступок, а психология поступка может стать содержанием произведения искусства. Мне довелось прочесть письмо Якова Водолагова «Судебная хроника», в которой защищалась память о герое, который вспоминает о своих положительных героях, то есть о поддающихся большинству наших людей, авторы знают мало, что не всегда они умеют понять, на каких типических чертах складывается характер современного человека. Декларативные качества, драматики пишут иногда «сплодженных» героев, в потоке, дадавшись, вер